

DOI: 10.17805/zpu.2025.2.3

Стратегическая культура в контексте трансформации военных конфликтов современности (на примере России, США и Китая)

А. А. БАРТОШ

МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Актуальность статьи обусловлена необходимостью осмыслить влияние стратегии гибридной войны (ГВ) как нового вида межгосударственного противоборства на трансформацию концепта «стратегическая культура» (СК). Сделана также попытка определить взаимосвязь и взаимовлияние двух важнейших концептов на стратегическое прогнозирование и планирование. Раскрыты взаимосвязи между культурой, внешней политикой и политикой безопасности. Исследовано влияние факторов, обуславливающих трансформацию СК и военных конфликтов. Выделены факторы влияния СК на выработку политики в сфере обеспечения национальной, государственной и международной безопасности. Определены цели стратегии ГВ в категориях философии и стратегической культуры. Разработаны рекомендации по некоторым неотложным шагам по формированию стратегии обеспечения национальной и международной безопасности России в новых реалиях.

Ключевые слова: стратегическая культура; гибридная война; генезис; эволюция; рациональное; иррациональное

ВВЕДЕНИЕ

Стратегическая культура государств, втянутых в гибридное противоборство с середины XX — начала XXI в., стала приобретать новые, ранее не свойственные ей характеристики, изменяясь в сторону большей гибкости, повышенной способности к адаптации к меняющимся условиям международной обстановки и получающему все более широкое применение спектру инструментов гибридной войны: информационно-психологической войне, технологиям контролируемого хаоса, цветных революций и прокси-войны (Стратегия ... , 2024).

Академик РАН А. А. Кокошин так определяет стратегическую культуру: «СК отражает особый, присущий конкретной стране и ее народу характер поведения вооруженных сил в военно-политических ситуациях, связанных с использованием военной силы во внешнеполитической стратегии. В общем виде СК представляет собой совокупность стереотипов устойчивого поведения государства при масштабном по своим политическим задачам и военным целям применении военной силы, в том числе при подготовке, принятии и реализации стратегических решений» (Кокошин, 2003).

Таким образом, СК — это долговременный, весьма инерционный социопсихологический феномен, который часто действует почти с одними и теми же характеристиками даже при смене не только высших государственных деятелей и военного командования, но и политических систем и политических режимов.

Аналогом СК в метафорическом смысле может служить ДНК, которая отражает генетический код человека. В свою очередь, в СК в течение многих веков инкорпорировался исторически сложившийся культурный код государства, влияющий на оценку и принятие решений по ключевым вопросам национальной, государственной и международной безопасности. Такая аналогия может быть полезной для понимания того, как политические системы и государства формируют свои долгосрочные стратегические решения.

*ГЕНЕЗИС ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ
И ЭВОЛЮЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

Обращение к концепции СК при исследовании генезиса гибридной войны и нынешнего состояния теории и практики применения новых форм и методов противоборства позволяет выстроить модели поведения в высокочувствительных областях внешней и внутренней политики государств и определить детерминанты, важные при принятии решений. В их числе:

- оптимальный баланс в использовании военно-силовых и несиловых методов в международной политике;
- степень чувствительности государства к внешним угрозам и степень его устойчивости по отношению к внутренним угрозам;
- чувствительность государства к уровню потерь среди своих войск и мирного населения;
- состояние гражданско-военных отношений как важный внутренний фактор при формулировании стратегии обеспечения национальной безопасности.

СК является уникальным философским, дипломатическим и военно-историческим инструментом при исследовании вопросов о мотивации участников международных отношений, их представлений о самих себе, а также о вероятных вариантах поведения других. Понимание СК может быть критически важным для анализа и прогнозирования вероятностей тех или иных сценариев развития военно-политической обстановки (ВПО), угроз и вызовов современности и вариантов реагирования на них с учетом опыта прошлого и реалий настоящего.

Следует назвать несколько исторических этапов, которые в XVIII–XIX вв. придали импульс формированию стратегий гибридных войн как нового вида межгосударственного противоборства.

РОССИЯ КАК ОБЪЕКТ ГИБРИДНЫХ ВОЙН

Начало гибридным операциям Запада против России положили секретный антироссийский договор между Францией, Австрией и Великобританией (1815) и создание специальных структур русского масонства в целях организации государственного переворота в России (Пахомова, 1998).

Одной из главных сил повстанческого движения на первых этапах Смуты выступало служилое казачество городов южной части России. Некоторые казачьи отряды использовались антироссийскими силами для ведения войны чужими руками против государственной власти (сегодня такая стратегия носит название «прокси-война»). Смысл войны чужими руками заключается в попытке достичь заинтересованным государством собственных стратегических целей посредством провоцирования и поддержки военных действий между двумя или более сторонами на территории страны-жертвы (Бартош, 2023). В Смутное время казаки использовались для ведения военных действий против царских войск, нападения и грабежа русских селений в зоне боевых действий (Ключевский, 2025).

Восстание декабристов было результатом сочетания недовольства самодержавием и опыта ознакомления с западной политической культурой. «Масоны и декабристы, — пишет Н. Бердяев, — готовят появление русской интеллигенции XIX в., которую на западе плохо понимают, смешивая с тем, что там называют *intellectuels*» (Бердяев: Электронный ресурс). В России именно пропагандистская ра-

бота «интеллектуалов» во многом создала предпосылки русских революций XX в. Февральская революция 1917 г. — тоже попытка создать буржуазную республику в России (Якубовская, 2011).

Попытки ослабления и развала России с применением разнообразных «гибридных» подрывных форм и методов предпринимались не только внешними силами. Об этом убедительно говорит президент Московского гуманитарного университета И. М. Ильинский в своей аргументированной работе «“Перестройка” как заговор. “Товарищ” Э. Шеварднадзе» (Ильинский, 2025). Автор исходит из своей концепции «“перестройки” как заговора» и показывает, какую роль сыграл Э. Шеварднадзе в осуществлении беспрецедентных уступок Западу (прежде всего США), на которые пошел СССР в конце 1980-х гг. и которые в значительной степени подорвали военно-политический баланс между двумя великими державами того времени и нанесли непоправимый ущерб национальным интересам и обороноспособности нашей страны.

Этой теме посвящены работы известного специалиста исторических исследований Н. А. Зеньковича, среди которых «1985–1991: Что это было?». Автор задается вопросом: что привело к переменам в КПСС и Советском Союзе, в результате которых не стало ни КПСС, ни СССР? Было ли это массовое прозрение, нежелание жить в тоталитарном государстве или массовое ослепление? А может, предательство партийной верхушки? (Зенькович, 2005).

Генезис гибридной войны как концепции уходит корнями в историю, но современное понимание сформировалось в конце XX — начале XXI в.

Исторические предпосылки — гибридные методы ведения войны (сочетание военных, информационных, экономических и подрывных действий) — использовались и ранее, но не выделялись в отдельную стратегию. Например, партизанские войны и восстания в Испании — герилья против Наполеона, 1808–1814, холодная война (1947–1991) — сочетание пропаганды, поддержки прокси-групп, экономического давления (США vs СССР), Вьетнамская война (1955–1975) — партизанская тактика Вьетконга + советская/китайская помощь.

Термин «гибридная война» (англ. «hybrid warfare») стал популярным в научно-теоретических работах на Западе и в России после статей американца Фрэнка Хоффмана, где он описал сочетание регулярных и нерегулярных методов (Hoffman, 2007: Электронный ресурс; 2017: Электронный ресурс).

Применительно к современной эпохе в книгах «Англосаксы против планеты» (Фурсов, 2020), «Технологии неклассических войн» (Манойло, Стригунов, 2020) рассмотрены современные технологии гибридных войн, контролируемого хаоса, цветных революций и прокси-войн. Объединяющим для неклассических войн современности является определение «гибридная война» как новый вид межгосударственного противоборства, который сочетает широкий диапазон действий, осуществляемых противником путем комбинированного применения регулярных и иррегулярных формирований с одновременным привлечением гражданских компонентов.

Гибридные формы и способы борьбы рассматриваются в ряде выступлений начальника Генерального штаба ВС РФ генерала армии В. В. Герасимова (Выступление начальника Генерального штаба ... , 2018: Электронный ресурс; Выступление ... , 2013: Электронный ресурс).

Сегодня ряд зарубежных аналитиков в явно политизированных исследованиях пытаются представить гибридную войну как якобы стратегию действий Рос-

сии, например на Украине и в Прибалтике. При этом замалчивается факт ведения неких разновидностей ГВ коллективным Западом против России в течение столетий.

Таким образом, применение технологий гибридных войн всегда являлось составной частью исторического ландшафта, поскольку государства на протяжении всей истории использовали в противостоянии со своими противниками все возможные комбинации регулярных и иррегулярных сил, способы информационной войны с целью свести на нет превосходство противника в обычной военной силе (Murray, 2012). Гибридная война — эволюция старых методов в условиях цифровой эпохи. Ее генезис связан с развитием технологий и изменением природы конфликтов.

В конце 80-х — начале 90-х гг. на этапе распада и исчезновения СССР при идеологической поддержке из-за рубежа запыхали кровопролитные конфликты в республиках Средней Азии, на Кавказе и в Приднестровье, активизировались сепаратисты в республиках Балтии. В ходе протестных акций атакам подвергались объекты вооруженных сил, властные структуры, блокировались коммуникации.

Одновременно нашей стране старательно предлагались некоторые заведомо «тупииковые» технологии и направления развития отраслей науки и техники, например вычислительной техники и ЭВМ. Осуществлялись манипуляции с ценами на энергоносители и т. п.

Правительство СССР при отсутствии адекватного стратегического прогнозирования и недостатке политической воли оказалось неспособным противостоять невооруженной агрессии против страны и не допустить ее разрушения.

Сегодня в условиях изменения баланса военных и невоенных видов борьбы гибридная война становится новой формой межгосударственного противоборства. Использовать стратегии гибридной войны, технологии цветных революций, контролируемого хаоса и прокси-войн (в сочетании с мощным вооружением) в состоянии не только государства, но и «негосударственные субъекты» (например, НПО, ЧВК), что создает дополнительный фактор турбулентности и непредсказуемости в развитии военно-политических ситуаций.

Вопрос о происхождении гибридной войны имеет непосредственное отношение к эволюции СК ведущих держав, истории войн и военного искусства.

Трансформация войны и роль политики в этом процессе неразрывно связаны с проблемой изучения генезиса гибридной войны, ее природы, политического и социального смысла, целей. Это требует применения широкого комплексного подхода, поскольку стратегия и инструменты гибридной войны основываются на симбиозе гуманитарных и военных наук. Отсутствие комплексного подхода приводит к заметной разноголосице мнений современных отечественных и зарубежных авторов относительно определения гибридной войны и ее истории.

Некоторые считают, что гибридные войны существовали в истории человечества всегда (Фененко, 2023: Электронный ресурс). Другие утверждают, что гибридная война является новым видом конфликта, который заявил о себе в начале XXI в. на фоне резкого, кумулятивного эффекта наращивания эффективности современных подрывных технологий, используемых в последние годы в ходе непрямого противоборства в условиях мирного времени. Отмечается также расширение круга субъектов, участвующих в гибридных войнах (Hoffman, 2007: Электронный ресурс).

На этом фоне разительно точный прогноз развития гибридных военных конфликтов современности содержится в работе известного российского ученого И. М. Ильинского «О “культуре” войны и Культуре мира». Книга издана в 2003 г., когда американский автор понятия «гибридная война» Ф. Хоффман только искал пути к определению этого феномена (Ильинский, 2003).

Важно подчеркнуть, что цели, задачи, характер возможной войны закрепляются государством, его руководством в военной доктрине как политическом документе стратегического планирования.

Отсутствие определения «гибридная война» в военной доктрине России и некоторых других документах не позволяет заблаговременно сконцентрировать необходимые ресурсы государства на анализе, прогнозировании, целеполагании и стратегическом планировании подготовки страны и вооруженных сил к приобретаемому реальным очертаниям новому виду противоборства, подготовить кадры, заблаговременно позаботиться о военно-техническом обеспечении и еще о многих вопросах, которые следует решать с упреждением действий противника.

Вернемся к упомянутой выше работе И. М. Ильинского «О “культуре” войны и Культуре мира». Ильинский одним из первых среди отечественных исследователей в начале XXI в. обратил внимание на ставку США на достижение геополитических целей «средствами, находящимися на грани с войной» (там же: 19). Он отмечает: «Эти средства включают экономику, дипломатию, культуру, использование международных организаций, созданных в качестве “институтов гегемонии”, и, наконец, угрозу применения силы» (там же). Именно на сочетании и координированном использовании таких инструментов построена стратегия современной гибридной войны, получившая стремительное развитие в США и используемая в широком спектре военных конфликтов. Заметно трансформируется и СК США.

ЭТАПЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ США

Трансформация СК США применительно к меняющимся реалиям современности получила заметный импульс в период после окончания Второй мировой войны.

В историческом контексте после Второй мировой войны цели американской внешней политики определялись под влиянием геополитических идей ряда западных авторов (Адамс, 1989), Маккиндера (Mackinder, 1904), Николаса Спикмэна (Спикмэн, 2014а; 2014b). Эти идеи сочетались с доктриной Монро (Нечай, 2013) и императивами экспансионизма «пограничного тезиса» Фредерика Джексона Тернера (Тернер, 2009). В совокупности данные факторы придали импульс изменениям ключевых элементов американской СК, а также проявлению империализма «открытых дверей», что послужило стимулом для расширения НАТО (Бартош, 2025).

Цели американской внешней политики заключаются в следующем:

1. Предотвращение консолидации геополитического пространства Евразии под господством какой-либо иной силы, чем Соединенные Штаты.
2. Постоянное расчленение этого пространства для предотвращения нежелательной консолидации в интеграционные объединения, которые потенциально могут стать противовесом американской глобальной гегемонии в военно-политиче-

ской и экономической сферах, а также враждебной силой для американской политики «открытых дверей» для расширения НАТО.

3. Установление постоянного политического и военного присутствия Америки на европейском континенте. Расширение сферы американского влияния и действия (периметра) доктрины Монро на другую сторону Атлантического океана. Посредством этого США, помимо своей традиционной роли морской супердержавы, превратятся в силу, прочно утвердившуюся в Евразии, становясь, таким образом, также и континентальной силой.

4. Разрушение и расчленение Советского Союза как державы, занимающей стержневую позицию в сердцевине Евразии — Хартленда, по Маккиндеру (Mackinder, 1904).

5. Установление режима «решительного перевеса сил» силы США в Евразии, т. е. американской гегемонии над всей Европой.

В конце XX — начале XXI в. достижение этих целей в условиях ядерной мощи СССР / Российской Федерации планируется достичь с опорой на стратегию гибридной войны, что вовсе не исключает развязывания против России крупномасштабной обычной войны, вплоть до ядерной.

Дополнительный свет на цели и задачи американской внешней политики пролила опубликованная в 1978 г. в Колумбийском университете книга «Сдерживание. Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг.». В полном объеме документы американской политики и стратегии представлены в книге «Главный противник» под редакцией И. М. Ильинского (Главный противник ... , 2006).

Несмотря на то что документы появились в середине XX в. и в течение длительного времени оставались секретными, они сохраняют исключительное значение в наше время. Их появление знаменовало начало общего перехода американской внешней политики к всеобъемлющей стратегии сдерживания, которая впоследствии была подтверждена сменявшими друг друга администрациями.

Указанные документы провозглашали тотальную политическую войну, конечной целью которой являлась безоговорочная капитуляция Советского Союза. Промежуточные ступени «победы» над СССР предусматривали:

— политическое ограничение силы и влияния Москвы;

— компрометацию идеологии геополитического противника, включая, с одной стороны, так называемую теологизацию (т. е. обожествление. — А. Б.) американской идеологии в качестве универсального мировоззрения, а с другой — демонизацию всякой идеологии, представляющей потенциальную угрозу для гегемонии США.

Директива Совета Национальной безопасности США NSC 20/1 от 18 августа 1948 г., озаглавленная «Цели США по отношению к России», цинично и без обиняков заявляла:

«Нашими основными задачами в отношении России на самом деле являются только две следующие :

а) уменьшить мощь и влияние Москвы до таких пределов, при которых она больше не будет представлять угрозу миру и стабильности международного сообщества;

б) внести фундаментальные изменения в теорию и практику международных отношений, которых придерживается правительство, находящееся у власти в России.

С решением этих двух задач наши проблемы в отношениях с Россией сократились бы до уровня, который можно было бы считать нормальным» (там же).

Документ предусматривал достижение определенных военных целей.

Во-первых, уничтожить сферу советского влияния в Восточной Европе с помощью экономического проникновения.

Во-вторых, изменить границы Советского Союза и отделить от него в первую очередь Балтийские страны и Украину. Для этой цели поощрять и инициировать любые сепаратистские движения как лучшее средство уничтожения советской мощи и расчленения СССР.

Заметим, что столь смелая риторика была характерна для американских правящих элит в период, когда США обладали монополией на ядерное оружие. Первое испытание атомной бомбы в СССР 29 августа 1949 г. на Семипалатинском полигоне в Казахстане коренным образом изменило подходы заокеанских стратегов, вынудило их сузить горизонты стратегического планирования и перейти к поиску новых путей противоборства с геополитическим противником.

США при этом опирались на общую доктрину холодной войны, на детальные планы по каждому из видов борьбы в административно-политической, финансово-экономической, информационной сферах. США создавали в СССР и странах социалистического содружества сетевые организационные механизмы для руководства подрывной работой изнутри.

Делалась ставка на сокращение СССР и Организации Варшавского договора невоенными средствами при сохранении и наращивании военного и экономического давления с целью избежать прямого военного противоборства с ядерной державой.

О многих ранее неизвестных фактах пишет в своей статье «Немыслимое: “перестройка” как заговор» (Ильинский, 2023) и в книге «“Перестройка” как заговор» президент Московского гуманитарного университета И. М. Ильинский (Ильинский, 2024).

В этих научных трудах автор опровергает взгляды, согласно которым СССР распался в силу внутренних противоречий, и показывает, что главной причиной распада страны стал заговор высших лиц государства (М. С. Горбачева, А. Н. Яковлева, Э. А. Шеварднадзе). Суть этого заговора состояла в том, чтобы под видом демократизации общества, в тесном союзе с США и западными странами осуществить разрушение социалистического государства — СССР. Для подтверждения своих выводов автор обращается к обширному историческому, историко-архивному и биографическому материалу.

После последовавшего безвременья 1990-х гг., с началом нового тысячелетия Российская Федерация нашла силы выйти на путь суверенного развития и приступила к восстановлению своего экономического и оборонного потенциала.

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА И ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ И США

Гибридная война стала ключевым фактором трансформации стратегических культур России и США. Она изменила подходы государств к обеспечению безопасности, дипломатии и военному планированию. Ее влияние проявляется в изменении восприятия угроз, форм и способов ответа и в пересмотре национальных идентичностей в контексте глобального противоборства.

1. Влияние гибридной войны на стратегическую культуру России

Традиционная стратегическая культура СССР / Российской Федерации исторически опиралась на ядерное сдерживание, неприятие внешнего вмешательства и защиту «ближнего зарубежья». Приоритет отдавался военной силе, стратегическому ядерному сдерживанию.

Сегодня на трансформацию СК России оказывают влияние следующие особенности стратегии гибридной войны:

— акцент на невоенные инструменты (информационная война с упором на киберсферу, экономическое давление);

— расширение применения «мягкой силы»: во внутренней сфере это патриотическое воспитание, повышение внимания к развитию гуманитарных наук (прежде всего истории, защите русского языка). Большое внимание уделяется развитию СМИ;

— использование «серых зон» гибридной войны — реформированного с использованием инструментов гибридной войны политического пространства, в котором цели достигаются без официального объявления войны (Бартош, 2021);

— усиление охраны государственных границ, укрепление вооруженных сил, территориальной обороны, ставка на технологический суверенитет государства.

2. Влияние гибридной войны на стратегическую культуру США

Для СК США характерны опора на технологическое превосходство, открытую военную мощь и глобальные альянсы (НАТО, AUKUS. Четырехсторонний диалог по безопасности (QUAD) — стратегический альянс между Австралией, Индией, США и Японией по проблемам безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе). В последние годы под влиянием концепции гибридной войны и гибридных угроз осуществляется переход от «войны с международным терроризмом» к противоборству с Китаем и Россией как главными вызовами и угрозами.

Происходит повышение внимания к противоборству в информационной войне (создание киберкомандования, давление на соцсети под предлогом противодействия враждебной пропаганде).

Совершенствуется военная техносфера. Ведется подготовка к противоборству в космосе (развитие системы глобальной противоракетной обороны (ПРО) «Золотой купол для Америки» — концепции, направленной на достижение целей мира посредством силы и реализация видения президента США Д. Трампа по сдерживанию возможных атак противников на территорию Америки).

В контексте трансформации стратегии новой гибридной войны это может привести к более агрессивной ядерной доктрине, в которой ядерное оружие рассматривается не только как средство сдерживания, но и как инструмент «поля боя», который может применен на одном из этапов противоборства. Таким образом, гибридная война может трансформироваться в войну с применением ядерного оружия.

Происходит расширенное использование экономического оружия (санкции, контроль над цепочками поставок и над каналами транспортировки энергоресурсов) вместо прямых военных интервенций.

Политолог О. П. Иванов в диссертации «Применение военной силы США в современных условиях: рациональный и иррациональный подход» и в ряде научных

статьей определяет содержание и эволюцию развития теории СК, выделяет и анализирует особенности американской СК как фактора планирования и применения военной силы (Иванов, 2008). Он отмечает, что СК отражает две основные модели субъективной детерминации политической деятельности — рациональную и иррациональную. Рациональность в политике выражается в способности выбора средств, соответствующих целям, постановке и выборе целей самим субъектом политического действия, в его стремлении владеть более полной, совершенной информацией. В то же время политическая жизнь изобилует и моментами явной иррациональности, выражающейся в доминировании эмоций, несоответствии средств и результатов целям политического действия, его дезорганизации и давлении утопических и даже мистических элементов сознания.

Проявляются общие тенденции в трансформации СК России и США:

- стирание грани между войной и миром — обе стороны действуют в «серой зоне» (Бартош, 2021), избегая открытого конфликта;
- милитаризация информационного пространства — медиа и соцсети стали полем боя информационной войны;
- рост взаимных подозрений на фоне обоюдных обвинений в ведении гибридных войн и укреплении в общественном мнении своих стран образа «другого» как экзистенциальной угрозы.

В стратегии гибридной войны предусмотрено применение по единому замыслу ее инструментов: информационно-психологической войны, технологий контролируемого хаоса и цветных революций, прокси-войны. При этом ведущая роль отводится информационно-психологической войне как средству установления контроля над сознанием населения и правящих элит.

Вопросам формирования российской нации в новых социально-экономических, политических, геополитических условиях посвящена работа И. М. Ильинского «Нация и молодежь», в которой автор подчеркивает опасность отчужденности власти и «элиты» от общества в условиях отсутствия общественного идеала (Ильинский, 2024).

Информационная война приобретает особую значимость в условиях цифровизации общества, на что указывает А. В. Костина в работе «Традиционная культура в условиях цифровых общественно-экономических отношений» (Костина, 2025). Автор подчеркивает, что на разных этапах своего развития информационно-сетевое общество обладает различными специфическими особенностями. Это позволяет поставить вопрос, обладающий безусловной новизной, о возможности выделения стадий развития информационно- сетевого общества как цифровых общественно-экономических формаций. При этом в контексте каждого из периодов развития интернета соответствующую существенную специфику имеет и традиционная культура Сети, что позволяет говорить о стадиях развития фольклорного творчества периода сетевизации.

М. А. Савушкина в статье «Цифровая философия»: проблема использования термина в социально-философских исследованиях» с философских позиций проводит анализ трансформации современного мира под воздействием цифровизации и Интернета и приходит к методологически важному выводу о том, что современная социальная философия отходит от традиции использования термина в контексте его исторического возникновения, наполняя его новыми глобальными смыслами для описания современного цифрового бытия (Савушкина, 2023).

Глубокий анализ вопросов обеспечения когнитивной безопасности человека в «цифровизированном» обществе сделан в вышедшей под редакцией известного геополитика и философа И. Ф. Кефели и Б. Я. Мисонжникова книге «Когнитивная безопасность человека в медиапространстве» (Когнитивная безопасность ... , 2025) Авторы отмечают, что информационно-коммуникативные технологии — неотъемлемая инфраструктура глобального пространства XXI в. Практически все страны мира выделяют это направление в качестве основного источника экономического, социального, культурного развития.

Перечисленные и многие другие работы подчеркивают, что современные технологии воздействия на массовое сознание, возможности использования медиапространства, гуманитарные технологии формирования нужных образов обостряют информационную борьбу в гибридной войне.

Таким образом, гибридная война не просто изменила методы противоборства — она переформатировала сами основы стратегического мышления России, США и многих других государств. Если раньше конфликт воспринимался через призму классической войны или дипломатии, то теперь доминирует логика перманентной нестабильности, где победа достигается не на поле боя, а в информационном пространстве, экономике и киберсфере. Это ведет к большей непредсказуемости и риску реальной эскалации, поскольку правила игры постоянно размываются.

Победа в гибридной войне

Поменялось понятие победы в гибридной войне, и классические критерии мерила победы становятся неактуальными.

В условиях ГВ традиционное понимание победы (как безоговорочной капитуляции противника или захвата территории) устарело. Победа в гибридной войне — это получение возможности долгосрочного влияния на побежденную страну, а не разовый триумф. Победителем становится не тот, кто нанес больший ущерб противнику, а тот, кто получил устойчивую возможность длительно контролировать сознание правящих элит и населения, сохранил собственную внутреннюю экономическую и политическую устойчивость, достаточный потенциал для достижения своих целей, даже если формально война не окончена. В выводе о достижении победы важно избежать парадоксальной ситуации, когда в гибридной войне победу объявляют раньше времени — и тогда же начинают проигрывать.

Таким образом, у победы в ГВ нет четкого завершения с учетом того, что «классическая» война заканчивается мирным договором или капитуляцией, а ГВ может длиться годами без формального окончания (как, например, конфликт России и консолидированного Запада после 2014 г.).

Сказанное приводит к выводу, что фактически ГВ открыла новую эру стратегического мышления и превратила глобальную политику в перманентное поле боя, где побеждает не тот, у кого больше танков, а тот, кто лучше контролирует информацию, экономику и технологии. Стратегическое мышление больше не делит мир на войну и мир — теперь это бесконечная борьба в «серой зоне», где главное — адаптивность к меняющимся условиям обстановки и способность наносить ущерб противнику, оставаясь в тени и действуя чужими руками.

РАЦИОНАЛЬНОЕ И ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ В СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

СК является отражением национального подхода к войне как инструменту политики и навязывания своей воли противнику. Именно фактор СК создает тот ло-

кальный контекст, в котором внешнеполитическая и военная стратегия находят свое воплощение. Поэтому знание и учет во внешней политике особенностей СК геополитических противников является важным условием для разработки и реализации стратегии, направленной на обеспечение национальной безопасности и защиту национальных интересов.

Политика любого государства сочетает рациональные (логически обоснованные, прагматичные) и иррациональные (эмоциональные, идеологические, мифологические) элементы. Их баланс определяет стиль управления, стратегию развития и внешнеполитическое поведение.

Рациональная политика основывается на:

- расчете и прагматизме — принятие решений на основе анализа и прогнозирования выгод и рисков;
- целеполагании и стратегическом планировании — стратегиях, подкрепленных экономическими, военными и дипломатическими ресурсами;
- адаптивности — гибкости в ответ на изменения (например, технологические прорывы или геополитические сдвиги).

Иррациональная политика включает:

- идеологические догмы — такая политика не основана на достоверной информации и анализе, а на вере в доктрины вопреки практической целесообразности (например, политкорректность в ущерб безопасности, вера в исключительность США (англ. American Exceptionalism) и миссию по распространению демократии);
- несбалансированное использование исторических мифов и символики во внутренней и внешней пропаганде;
- использование культа эмоциональных и харизматичных вождей — культ личности, популизм, что характерно для современных авторитарных лидеров;
- иррациональные страхи — преувеличение угроз (например, конспирологические теории заговора о вмешательстве внешних сил (Колеман, 2009), популистские лозунги без детального анализа и трезвой оценки возможностей их практической реализации (например, Горбачев и его идея «перестройки» без четких алгоритмов действий и конечной их цели; лозунг Трампа «Сделать Америку снова великой» (англ. Make America Great Again); планы нынешних европейских правительств по превращению Евросоюза в мощную военную силу; Турция Эрдогана как воплощение ностальгии по Османской империи).

Следует признать, что государства редко действуют «полностью рационально» или «полностью иррационально». Обычно их политика представляет собой некий симбиоз рациональных подходов, которые доминируют в экономике, военной стратегии, технологическом развитии и иррациональных, которые проявляется в пропаганде, идеологии, в формулировании национальной идентичности.

Для США характерна прагматичная внешняя политика в сочетании с весьма шаткой идеологией о всемирном экспорте демократии. В СССР во внешней политике существовала рациональная доктрина стратегического ядерного сдерживания, в то время как во внутренней политике активно проводилась пропаганда коммунистической идеологии.

Сегодня свою традиционную идентичность Россия защищает в специальной военной операции (СВО) и на культурно-историческом фронте.

Таким образом, рациональное в политике — это экономика, армия, разведка и дипломатия, а иррациональное — идеи и эмоции, которые призваны мобилизовать общество. Успешные государства находят рациональный баланс между поддержкой на внутренней и внешней арене и разрушающей иррациональностью на грани фанатизма.

Очевидно и то, что по мере наращивания в политике стихийных, иррациональных начал она все в меньшей степени соответствует своему назначению, теряет способность быть регулирующим фактором социальных отношений, не управляет, а дезорганизует общество. Примером идеологического подхода во внешней политике служили действия администрации Джозефа Байдена и ряда европейских лидеров, поставивших мир своими непродуманными, спонтанными действиями на Украине на грань крупного военного конфликта.

С приходом к власти президента Дональда Трампа во внешней политике США частично заявили о себе некоторые прагматические подходы, направленные, в частности, на поиск способов урегулирования конфликта на Украине, которые соответствуют целям и интересам всех вовлеченных сторон.

Таким образом, две американские администрации, действуя в рамках одной и той же СК, продемонстрировали разное понимание соотношения между факторами иррационализма и рационализма в политике своей страны. Учет элементов трезвой оценки международных реалий позволил новой администрации в Вашингтоне наметить рамки рациональной модели поведения, построенной на учете особенностей СК своей и другой стороны и сделать шаги к выработке наиболее эффективной и сбалансированной рациональной политики. Насколько устойчивым будет этот тренд, покажет время.

Некоторые особенности СК Китая

Высокая степень рациональности присуща СК Китая, которая представляет собой сложный синтез рациональных и иррациональных элементов, сформированный под влиянием конфуцианства, даосизма, легизма (школа законников, сформировавшаяся в IV–III вв. до н. э.), а также современной политической практики Коммунистической партии Китая (Бартош, 2020; 2025)

К рациональным элементам в политике КНР следует отнести:

1. Прагматизм и долгосрочное планирование:

— китайская стратегическая культура делает акцент на долгосрочной перспективе («столетние планы»). Пример: реализация проекта «Пояс и путь», охватывающего сегодня территорию от Азии до Латинской Америки. Рассчитана на десятилетия;

— влияние конфуцианства: приоритет стабильности, иерархии и постепенных реформ.

2. Гибкость и адаптивность:

— принцип «переходить реку, нащупывая камни» — отражает экспериментальный и осторожный подход к реформам;

— тактика «мягкой силы» (распространяемые в мире, в том числе в США, Институты Конфуция (англ. Confucius Institutes), экономическое влияние) сочетается с жестким отстаиванием интересов (например, в Южно-Китайском море).

3. Приверженность стратегии непрямых действий:

— влияние учения Сунь-цзы: победа без боя при наличии мощных современных вооруженных сил и передовой науки;

— использование экономических и дипломатических инструментов для достижения целей.

Таким образом, на развитие СК влияет совокупность различных факторов: геополитика, нормы и обычаи, восприятие региональных и международных ролей, политические системы и разделение власти, военно-гражданские отношения и некоторые другие.

Суммируя вышесказанное, следует выделить следующие факторы влияния СК на выработку политики в сфере обеспечения национальной, государственной и международной безопасности.

1. Выбор союзников и партнеров. Например, предпочтение ЕС многосторонним институтам (например, связи с НАТО, ОБСЕ) в противовес политике изоляционизма некоторых государств (КНДР).

2. Подход к военным конфликтам: одни страны избегают прямого вмешательства (например, Китай), другие — действуют превентивно (Россия, Израиль).

3. Восприятие норм международного права. Например, западные страны используют в своей риторике тему прав человека и гуманитарного вмешательства, а Россия, Китай, КНДР, Иран и Венесуэла делают ставку на национальный суверенитет и безопасность.

Различия в СК России и стран консолидированного Запада служат источником разных реакций на украинский кризис: США и ЕС видят в нем угрозу демократическому порядку (который неоднократно ими же и попирался), Россия — выступает за защиту национальной безопасности с применением политико-дипломатических и вынужденных военных способов реагирования. Проблему преемственности СК рассматривает О. Миронова в статье «О преемственности в развитии российского общества» (Миронова, 2025).

Стратегическому прогнозированию и планированию внешней политики, на наш взгляд, могут способствовать следующие меры. Во-первых, прогнозирование действий других государств с учетом их стратегической культуры. Это помогает избежать эскалации и повысить эффективность всех форм сдерживания. Во-вторых, разработка гибких внешнеполитических стратегий с учетом исторических и культурных особенностей СК государств-конкурентов, что повышает эффективность дипломатии и обороны. В-третьих, выработка рациональных подходов к урегулированию кризисов, предотвращению их эскалации и сдерживанию. Например, ядерное сдерживание работает, только если противник разделяет его логику.

Индивидуальные для каждого государства исторический опыт, культурно-мировоззренческая и духовная сфера, географические и материальные ограничения влияют на СК и определяют границы ее изменений в каждый исторический момент. В то же время многие факторы СК служат основой для сближения стран и развития между ними отношений долговременного стратегического партнерства, как это происходит, например, в отношениях между Российской Федерацией и Китаем, КНДР, Ираном, Венесуэлой и рядом других государств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СК определяет набор моделей поведения государств в вопросах войны и мира, выбора союзников и партнеров. Такое целеполагание помогает формировать модель, но не определяет конкретных механизмов взаимодействия страны с другими государствами в области безопасности. Другие импульсы формирования модели

(например, технологический толчок) играют большую или меньшую роль в конкретных обстоятельствах.

В общем случае СК помогает формировать поведение по таким вопросам, как применение силы в международной политике, чувствительность к внешним опасностям, военно-гражданские отношения и стратегическая доктрина.

В результате преемственности в этих вопросах вполне правомерно говорить о том или ином национальном «стиле» в теории и практике стратегии. Стратегия ГВ в категориях философии и стратегической культуры нацелена на определение смысла войны, формулирование военно-политических целей ГВ, принятие решений субъектами ГВ в политической, экономической, информационной и военной сферах, достижение поставленных военно-политических целей путем осуществления предусмотренных стратегией действий.

В этом контексте актуальность проблемы, связанная с трансформацией международных отношений, изменением взглядов на использование силы, появлением новых видов конфликтов XXI в. — гибридной войны, применением технологий цветной революции и контролируемого хаоса, растущая угроза применения прокси-войн, настоятельно требуют активизации исследований СК как важного межцивилизационного системообразующего фактора при решении задач стратегического прогнозирования и планирования с последующим внедрением результатов в различные сферы деятельности государства — политическую, дипломатическую, социально-экономическую, военную, культурно-мировоззренческую. На этом фоне приобретают особую актуальность проблема подготовки кадров, в частности включение курсов «Гибридная война» и «Стратегическая культура» в учебные программы вузов Российской Федерации, организация студенческих обменов с партнерскими государствами, проведение международных конференций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации (2024). Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. №1124. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280115?index=2> (дата обращения: 29.12.2024).

Адамс, Г. (1989) Демократия // Демократия. М. : Прогресс. 720 с.

Бартош, А. А. (2020) Стратегическая культура. Стратегическая культура в конфликтах XXI века. М. : Горячая линия — Телеком. 248 с.

Бартош, А. А. (2021) Серая зона: театр гибридной войны. М. : Горячая линия — Телеком. 389 с.

Бартош, А. А. (2023) Прокси-война. М. : Горячая линия — Телеком. 226 с.

Бартош, А. А. (2025) НАТО в мировой политике. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Горячая линия — Телеком. 606 с.

Бердяев, Н. А. [Электронный ресурс]. Русская идея. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Verdyajev/russkaja-ideja/ (дата обращения: 15.09.2020).

Выступление начальника Генерального штаба ВС РФ генерал армии В. В. Герасимова на Военно-научной конференции Академии военных наук 24 марта 2018 г. (2018) [Электронный ресурс]. URL: <https://ok.ru/ivototomch/topic/68172375433363> (дата обращения: 15.09.2020).

Выступление НГШ ВС РФ генерала армии Герасимова на Научно-практической конференции (14.02.2013) на тему «Военная безопасность России: XXI век» (2013) [Электронный ресурс]. URL: https://recrut.mil.ru/career/soldiering/anti_corruption/news/more.htm?id=11632195@egNews (дата обращения: 15.09.2020).

Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. (2006) : пер. с англ. / сост. и авт. вступит. статьи И. М. Ильинский. М. : Изд-во Московского гуманитарного ун-та. 540 с.

Зенькович, Н. А. (2005) 1985–1991: Что это было? М. : Олма-Пресс. 672 с.

Иванов, О. П. (2008) Применение военной силы США в современных условиях: рациональный и иррациональный подход : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М.

Ильинский, И. М. (2023) Немыслимое: «перестройка» как заговор // Знание. Понимание. Умение. №1. С. 5–41.

Ильинский, И. М. (2024) Нация и молодежь (диалог со скептиком в форме самоинтервью) // Знание. Понимание. Умение. №3. С. 5–39.

Ильинский, И. М. (2003) О «культуре» войны и Культуре мира. 2-е изд. М. : Изд-во Московского гуманитарного ун-та. 128 с.

Ильинский, И. М. (2005) «Перестройка» как заговор. «Товарищ» Э. Шеварднадзе // Знание. Понимание. Умение. №1. С. 5–13.

Ильинский, И. М. (2024) «Перестройка» как заговор : в 2 кн. М. : Изд-во Московского гуманитарного ун-та. Кн. 2. 503 с.

Ключевский, В. О. (2025) Русская история. Полный курс в 4 ч. Часть 1 : учебник для вузов. М. : Издательство Юрайт. 396 с.

Когнитивная безопасность человека в медиапространстве : учебник (2025) / под ред. И. Ф. Кефели, Б. Я. Мисонжникова. СПб. : Изд. дом «Петрополис». 618 с.

Кокошин, А. А. (2003) Стратегическое управление. Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. М. : МГИМО МИД РФ.

Колеман, Д. (2009) Комитет 300. Тайны мирового правительства. М. : Витязь. 320 с.

Костина, А. В. (2025) Традиционная культура в условиях цифровых общественно-экономических отношений. Часть I. Стадии развития в контексте «цифровых формаций» // Знание. Понимание. Умение. №1. С. 111–131.

Манойло, А. В., Стригунов, К. С. (2020) Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. М. : Горячая линия — Телеком. 378 с.

Миронова, Т. Н. (2025) О преемственности в развитии российского общества // Знание. Понимание. Умение. №1. С. 70–84.

Нечай, С. Л. (2013) Внутренняя политика США и проблема партий в президентство Дж. Монро: 1817–1825 годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Пахомова, Л. М. (1998) Российское масонство 18 века как феномен общественно-политической и философской жизни России : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Савушкина, М. А. (2023) «Цифровая философия»: проблема использования термина в социально-философских исследованиях // Вестник Челябинского государственного университета. №4 (474). С. 59–63.

Спикмэн, Н. Дж. (2014а) География и внешняя политика. Часть первая // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. №3. С. 165–177.

Спикмэн, Н. Дж. (2014б) География и внешняя политика. Часть вторая // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. №4. С. 171–182.

Тернер, Ф. (2009) Фронт в американской истории / пер. с англ. А. И. Петренко. М. : Весь мир. 304 с.

Фененко, А. Мифы «гибридной войны» (2023) [Электронный ресурс] // Национальная оборона. URL: <https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/mify-gibridnoy-vojny-44861.shtml> (дата обращения: 12.12.2024).

Фурсов, А. И. (2020) Мировая борьба. Англосаксы против планеты. М. : Книжный мир. 528 с.

Якубовская, Е. В. (2011) Февральская революция 1917 г. в оценке советской и русской зарубежной историографии 1920–30-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Hoffman, F. (2007) [Электронный ресурс] Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. URL: https://potomacinstitute.org/images/stories/publications/potomac_hybridwar_0108.pdf (дата обращения: 23.03.2022).

Hoffman, F. G. (2017) [Электронный ресурс] The Evolution of Hybrid Warfare and Key Challenges. Institute for National Strategic Studies. URL: https://docs.house.gov/meetings/ASAS0020170322_105746HHRG-115-AS00-Wstate-HoffmanF-20170322.pdf (дата обращения: 15.09.2020).

Mackinder, H. J. (1904) The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. Vol. 23. No. 4. (Apr., 1904). P. 421–437.

Murray, W. (2012) Hybrid Warfare. Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present. New York : Cambridge University Press. 309 p.

Дата поступления: 24.03.2025 г.

STRATEGIC CULTURE IN THE CONTEXT OF TRANSFORMATION
OF MODERN MILITARY CONFLICTS
(ON THE EXAMPLE OF RUSSIA, THE USA AND CHINA)

A. A. BARTOSH

MOSCOW INSTITUTE OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

The relevance of the article is stipulated by the need to understand the impact of the hybrid warfare strategy as a new type of interstate confrontation on the transformation of the concept of strategic culture. An attempt is also made to determine the relationship and mutual influence of the two most important concepts on strategic forecasting and planning. The interrelationships between culture, foreign policy and security policy are revealed. The influence of factors contributing to the transformation of strategic culture and military conflicts has been investigated. The factors of influence of strategic culture on policy development in the field of national, state and international security are highlighted. The aims of hybrid warfare development are defined in categories of philosophy and strategic culture. Recommendations have been developed for some urgent steps to form a strategy for ensuring Russia's national and international security in the new realities.

Keywords: strategic culture; hybrid warfare; genesis; evolution; rational; irrational

REFERENCES

Strategiia protivodeistviia ekstremizmu v Rossiiskoi Federatsii (2024). Utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 28 dekabria 2024 g. no. 1124. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280115?index=2> (access date: 29.12.2024).

Adams, G. (1989) *Demokratiia*. In: *Demokratiia*. Moscow, Progress. 720 p.

Bartosh, A. A. (2020) *Strategicheskaiia kul'tura. Strategicheskaiia kul'tura v konfliktakh XXI veka*. Moscow, Goriachaia liniia — Telekom. 248 p.

Bartosh, A. A. (2021) *Seraia zona: teatr gibridnoi voiny*. Moscow, Goriachaia liniia — Telekom. 389 p.

Bartosh, A. A. (2023) *Proksi-voina*. Moscow, Goriachaia liniia — Telekom. 226 p.

Bartosh, A. A. (2025) *NATO v mirovoi politike*. 2nd ed. Moscow, Goriachaia liniia — Telekom. 606 p.

Berdiaev, N. A. *Russkaiia ideia*. [online] Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Berdiaev/russkaja-ideja/ (access date: 15.09.2020).

Vystuplenie nachal'nika General'nogo shtaba VS RF general armii V. V. Gerasimova na Voenno-nauchnoi konferentsii Akademii voennykh nauk 24 marta 2018 g. (2018) [online]. Available at: <https://ok.ru/ivototomch/topic/68172375433363> (access date: 15.09.2020).

Vystuplenie NGSb VS RF generala armii Gerasimova na Nauchno-prakticheskoi konferentsii (14.02.2013) na temu «Voennaia bezopasnost' Rossii: XXI vek» (2013) [online]. Available at: https://recrut.mil.ru/career/soldiering/anti_corruption/news/more.htm?id=11632195@egNews (access date: 15.09.2020).

Glavnyi protivnik: Dokumenty amerikanskoi vnesheinei politiki i strategii 1945–1950 gg. (2006) / ed. by I. M. Il'inski. Moscow, Moscow Univ. for the Humanities. 540 p.

- Zen'kovich, N. A. (2005) 1985–1991: *Chto eto bylo?* Moscow, Olma-Press. 672 p.
- Ivanov, O. P. (2008) *Primenenie voennoi sily SShA v sovremennykh usloviakh: ratsional'nyi i irratsional'nyi podkhod*. Abstract of the Diss. ... Dr. of Politics. Moscow.
- Il'inskii, I. M. (2023) Nemyslimoe: «perestroika» kak zagovor. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. no. 1, pp. 5–41.
- Il'inskii, I. M. (2024) Natsiia i molodezh' (dialog so skeptikom v forme samointerv'iu). *Znanie. Ponimanie. Umenie*. no. 3, pp. 5–39.
- Il'inskii, I. M. (2003) O «kul'ture» voiny i Kul'ture mira. 2nd ed. Moscow, Moscow Univ. for the Humanities. 128 p.
- Il'inskii, I. M. (2005) «Perestroika» kak zagovor. «Tovarishch» E. Shevardnadze. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. no. 1, pp. 5–13.
- Il'inskii, I. M. (2024) «Perestroika» kak zagovor : in 2 vols. Moscow, Moscow Univ. for the Humanities. Vol. 2. 503 p.
- Kliuchevskii, V. O. (2025) *Russkaia istoriia. Polnyi kurs v 4 ch. Chast' 1 : uchebnik dlia vuzov*. Moscow, Iurait. 396 p.
- Kognitivnaia bezopasnost' cheloveka v mediaprostranstve : uchebnik (2025)* / ed. by I. F. Kefeli, B. Ia. Misonzhnikov. Saint Petersburg, Petropolis. 618 p.
- Kokoshin, A. A. (2003) *Strategicheskoe upravlenie. Teoriia, istoricheskii opyt, sravnitel'nyi analiz, zadachi dlia Rossii*. Moscow, MGIMO MID RF.
- Koleman, D. (2009) *Komitet 300. Tainy mirovogo pravitel'stva*. Moscow, Vitiaz'. 320 p.
- Kostina, A. V. (2025) Traditsionnaia kul'tura v usloviakh tsifrovyykh obshchestvenno-ekonomicheskikh otnoshenii. Chast' I. Stadii razvitiia v kontekste «tsifrovyykh formatsii». *Znanie. Ponimanie. Umenie*. no. 1, pp. 111–131.
- Manoilov, A. V., Strigunov, K. S. (2020) *Tekhnologii neklassicheskoi vony. Genezis. Evoliutsiia. Praktika*. Moscow, Goriachaia liniia — Telekom. 378 p.
- Mironova, T. N. (2025) O preemstvennosti v razvitiu rossiiskogo obshchestva. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. no. 1, pp. 70–84.
- Nechai, S. L. (2013) *Vnutrenniaia politika SShA i problema partii v prezidenstvo Dzh. Monro: 1817–1825 gody* : Abstract of the Diss. ... Cand. of History. Moscow.
- Pakhomova, L. M. (1998) *Rossiiskoe masonstvo 18 veka kak fenomen obshchestvenno-politicheskoi i filosofskoi zhizni Rossii* : Abstract of the Diss. ... Cand. of History. Moscow.
- Savushkina, M. A. (2023) «Tsifrovaia filosofii»: problema ispol'zovaniia termina v sotsial'no-filosofskikh issledovaniiax. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. no. 4 (474), pp. 59–63.
- Spikmen, N. Dzh. (2014a) Geografiia i vneshniaia politika. Chast' pervaa. *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. no. 3, pp. 165–177.
- Spikmen, N. Dzh. (2014b) Geografiia i vneshniaia politika. Chast' vtoraa. *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. no. 4, pp. 171–182.
- Terner, F. (2009) *Frontir v amerikanskoii istorii* / transl. by A. I. Petrenko. Moscow, Ves' mir. 304 p.
- Fenenko, A. Mify «gibridnoi voiny» (2023) [online]. *Natsional'naiia oborona*. Available at: <https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/mify-gibridnoj-voiny-44861.shtml> (access date: 12.12.2024).
- Fursova, A. I. (2020) *Mirovaia bor'ba. Anglosaksty protiv planety*. Moscow, Knizhnyi mir. 528 p.
- Iakubovskaia, E. V. (2011) *Fevral'skaia revoliutsiia 1917 g. v otsenke sovetskoi i russkoi zarubezhnoi istoriografii 1920–30-kh gg.* : Abstract of the Diss. ... Cand. of History. Moscow.
- Hoffman, F. (2007) *Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars*. [online] Available at: https://potomac-institute.org/images/stories/publications/potomac_hybridwar_0108.pdf (access date: 23.03.2022).
- Hoffman, F. G. (2017) *The Evolution of Hybrid Warfare and Key Challenges. Institute for National Strategic Studies*. [online] Available at: <httpsdocs.house.govmeetingsASAS0020170322105746HHRG-115-AS00-Wstate-HoffmanF-20170322.pdf> (access date: 15.09.2020).

Mackinder, H. J. (1904) *The Geographical Pivot of History*. *The Geographical Journal*, vol. 23, no. 4. (Apr.), pp. 421–437.

Murray, W. (2012) *Hybrid Warfare. Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present*. New York, Cambridge University Press. 309 p.

Submission date: 24.03.2025.

Бартош Александр Александрович — кандидат военных наук, доцент, эксперт-аналитик Отдела стратегического анализа и военно-политических исследований Московского института социологических исследований, член-корреспондент Академии военных наук. Адрес: 107065, Российская Федерация, г. Москва, ул. Камчатская, 3, оф. 198. Тел.: +7 (495) 469-13-08. Эл. адрес: aerointel@mail.ru

Bartosh Aleksandr Aleksandrovich, Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Expert Analyst, Department of Strategic Analysis and Military and Political Research, Moscow Institute of Sociological Research, Corresponding Member, Academy of Military Sciences. Postal address: 3, Kamchatskaya St., office 198, Moscow, Russian Federation, 107065. Tel.: +7 (495) 469-13-08. E-mail: aerointel@mail.ru

DOI: 10.17805/zpu.2025.2.4

Россия и Запад: истоки цивилизационного противостояния (по мотивам геофилософских идей Н. Я. Данилевского)

Ю. М. РЕЗНИК

Институт философии РАН

Предмет исследования — геофилософские проблемы цивилизационного противостояния России и Запада в контексте идей Н. Я. Данилевского. Цель исследования — определение состояния и перспектив геополитического взаимодействия цивилизаций России и Запада.

В статье анализируются цивилизационные противоречия России и Запада, которые, во-первых, проявляются на онтологическом уровне как столкновение разных планов местобытия, охватывающих те или иные культурно-географические ареалы как внутри цивилизаций, так и между ними. Во-вторых, они рассматриваются на метафизическом и психологическом уровнях как истоки враждебности Европы по отношению к цивилизационному пространству России (фантомы и фобии). И, в-третьих, их анализ дается на духовно-нравственном уровне, на котором выявляются принципиально разные основания и стратегии цивилизационной идентичности, которые обусловлены местобытием России и Запада. В заключении приводятся выводы, которые раскрывают этапы исследования.

Ключевые слова: Россия; Запад; Европа; Н. Я. Данилевский; цивилизация; местобытие; геософия; державность; соборность; народное чувство; патриотизм; самопожертвование